

Рождение сборника из духа удовольствия

(Вместо введения)

Удовольствие — венец всякого деяния

Дионисий Отступник

Фрейд утверждал, что человеческое познание представляет собой вечный поиск компромисса между требованиями реальности и удовольствием. Научное познание в социальных науках не исключение. Стремление к интеллектуальным удовольствиям вскоре наталкивается на требования суровой академической реальности. В столкновении с этой реальностью выживают, как правило, только «серьезные темы» — важные, основательные, скучные. Принцип удовольствия отступает шаг за шагом, пока очередное исследование не превращается в процесс столь же волнующий и творческий, как штопка носков. По большей части, но не всегда. Есть пока еще социологи, которые хотят изучать то, что им интересно изучать, и смотреть на вещи под тем углом, под которым на них приятно смотреть.

* * *

Вошедшие в этот сборник статьи были написаны, чтобы получить и доставить удовольствие. Получить его мы хотели, разумеется, сами, а доставить — Виктору Воронкову как виновнику события. С этой целью было решено писать, во-первых, так, чтобы это было интересно делать, и, во-вторых, чтобы был очевиден повод к изданию книги — Виктор, и никто иной. Собственно, в нашей ситуации одно было неотделимо от другого: просмотрев оглавление, читатель убедится, что ни один приличный журнал или сборник, издаваемый по серьезному поводу respectable редактором, ТАКОЕ опубликовать бы не взялся. Представьте себе статью про габитус кошачьих или социологию дефекации в сборнике, посвященной юбилею какого-нибудь солидного человека, руководителя авторитетного факультета государственного вуза...

Итак, мы цинично воспользовались днем рождения своего любимого директора, чтобы написать в его честь нечто такое, что нам всегда хотелось написать, но по другому поводу сделать это не получилось бы, поскольку никого другого в роли читателя этих текстов мы себе

решительно не представляем. Изначально мы, правда, имели в виду гипотетического читателя, который мог бы примкнуть к Виктору, но под конец он пропал из поля зрения, окончательно отождествившись либо с Воронковым, либо с самими авторами¹. С другой стороны, нельзя исключить, что он все-таки обнаружится. Итак, мы писали этот сборник для себя и для Виктора, и не испытываем ни раскаяния, ни сожаления по этому поводу. В конце концов, приятнее писать для себя и замечать, что другим тоже интересно, нежели писать для других и обнаружить, что даже ты сам не получаешь от этого ровным счетом никакого удовольствия. Заголовки текстов, собранных в этой книге говорят сами за себя, по крайней мере — говорят тем, кто способен понять, то есть «своим». Нам, однако, приятна мысль о том, что кроме нас эту книгу прочитают и другие, поэтому появилось это предисловие. Мы полагаем, что книга, написанная «для себя» и попавшая в «чужие» руки, нуждается в предварительных пояснениях.

Всякому, кто знает Виктора Воронкова, хорошо известно, что жизненное и профессиональное кредо (что в его случае — одно и то же) — обращать внимание на то, чего не замечают другие, делать то, чего другие не делают и заниматься тем, что интересно, особенно, если заниматься этим не принято. Что может быть интереснее темы, которой никто не занимается!? Только другая такая тема. Новые темы, неожиданные объекты, нетривиальные подходы, сумасшедшие идеи и странные люди — вот жизненное и профессиональное хобби Виктора. Необычное, непривычное, неочевидное, неприевшееся, не набившее оскомину, не успевшее надоесть — вот что занимает его ум в каждую свободную от финансовых вопросов минуту... Да и в не свободную тоже. Жизнь с оттенком хулиганства и хулиганские выходы на профессиональном поприще — его визитная карточка. Так что, уже прочитав раздел «Содержание», вы поймете — это сборник в честь Воронкова.

Его любимым методом — провокация, один из любимых авторов — Гарольд Гарфинкель. Его любимое занятие — ставить под вопрос очевидные вещи; а также: открывать новые горизонты для мысли, развивать в себе и других навыки «видения» и «социологического воображения»; развеивать привычные мифы и разоблачать «псевдонауку», эпатировать окружающих, вызывать раздражение, уважение, зависть — неважно что,

¹ Авторский коллектив в этой связи разделился на тех, кто все же верит в существование такого читателя, тех, кто верит в лохнесское чудовище, и тех, кто верит в свободные, демократические выборы 2008 года. (Кстати, эти последние уже госпитализированы с диагнозом «маниакально-депрессивное расстройство в острой маниакальной фазе». Их статьи в сборник не попали. Они попали в совершенно другое место...)

главное — вызывать у людей вокруг себя хоть какие-то эмоциональные и интеллектуальные реакции. Безусловно, он очень любит сам быть в центре внимания, любит быть объектом размышления, обсуждения, признания, даже поклонения, а возможно — и любви... Впрочем, здесь мы рискуем углубиться во внутреннюю жизнь юбиляра — предоставим это лучше автору текста, открывающего сборник.

Автор(ша) первого текста знакома с Виктором дольше всех остальных участников сборника (за исключением Лены Чикадзе). Эта позиция, с точки зрения методологии, имеет некоторые недостатки. Впрочем, автор(ша), выступающая здесь в роли комментатора, отдает себе в этом отчет и находит достойный способ решения этой методологической проблемы. С одной стороны, она за основу текста берет нарратив биографического интервью, тем самым отдавая дань требованиям современных социальных наук о смягчении субъект-объектных отношений с информантами и предоставлении последним слова. С другой стороны, автор(ша) дает понять, что не претендует ни на какую объективность — это было бы смешно для социолога-конструктивиста, с симпатией относящегося к интерпретативной антропологии. Наш комментатор, нисколько не заблуждаясь на счет «объективности», довольствуется — как человек и как социолог — предоставленной возможностью сделать достоянием публичности ту часть приватной жизни изучаемого *homo sapiens*, которую тот предпочитает замалчивать; а сам процесс замалчивания и его причины становятся предметом анализа (и основанием для постановки диагноза).

Следующий текст продолжает тему анализа личности, добавляя к социально-психологическому подходу изрядную дозу психоанализа. Одновременно к анализу личности добавляется исследование причин возникновения института. Безусловным преимуществом второго текста также является позиция его автора: Ингрид, оставаясь «немкой», проводящей значительную часть времени в России вообще и в стенах ЦНСИ в частности, столь удачно сочетает *emic* и *ethic* позиции, что любой антрополог обзавидуется. Тем не менее, идеальных исследований не бывает; любая из доступных антропологу позиций подразумевает свои слабые стороны. Даже столь симпатичное нашему юбиляру участвующее наблюдение, которое Ингрид осуществляет на протяжении вот уже более чем пятнадцати лет, не является универсальным средством — нельзя быть участвующим наблюдателем сразу со всех возможных социальных (дис)позиций... Именно этим фактом объясняется то, что один из издателей счел возможным добавить к тексту Ингрид свои комментарии. Это было продиктовано не только

наглостью (не природной, но воспитанной — угадайте кем?), бестактностью, чрезмерной самоуверенностью и чувством безнаказанности, характеризующим этого, с позволения сказать, автора, но также его стремлением заполнить лакуны в знании, сделать портрет более контрастным, а бюст — более рельефным... ну, в общем, вы поняли... То, что сама Ингрид на дополнения (к слову сказать, несколько не опровергающие ее точку зрения) не обиделась и сочла возможным это послесловия к ее собственному тексту сохранить, подтверждает, что она правильно истолковала намерения своего самозваного со-автора.

Прочие графоманы, чьи тексты собраны в этом сборнике, испытали на себе влияние Виктора в более нежном возрасте, что не могло не повлечь самые разрушительные последствия. Рискнем предположить, что большинство из них хотело бы считаться его учениками. Это, в частности, означает, что, проведя немалое количество времени рядом с ним, они — в прошлом скромные начинающие исследователи, изнуренные осознанием важности своей научно-практической миссии «молодые ученые» (ну, вы знаете — такие... прыщавые, застенчивые, краснеющие и глупо хихикающие по всякому поводу...) — вскоре почувствовали вкус к развенчаниям, низвержениям, разоблачениям. Со временем у них появился и другой, более важный «вкус», назовем его когнитивно-эстетическим. Сыграл свою роль возраст (ни в коем случае не биологический, но социальный). В результате, на какой-то стадии своего ролевого созревания сотрудники ЦНСИ все меньше внимания стали уделять обличению других, и все больше — развитию собственных навыков социологического видения и воображения. Все чаще сотрудников Центра стали привлекать нетрадиционные темы, объекты, предметы анализа, подходы и, не побоимся этого слова, ориентации. Способность увидеть в привычном нечто необычное, интересное, любопытное, занятное, заслуживающее внимания — эти качества, наравне с умением пользоваться словарем синонимов, сегодня ценятся в ЦНСИ выше прочих. Впрочем, по-прежнему высоко ценится и эпатаж, провокация — как способ сломать привычный ход мысли, разрушить рутинность мышления исследователя, зрителя, слушателя, читателя... Однако одного стремления эпатировать недостаточно; слишком высоко здесь ценят интеллект, образованность, ум и остроумие. Эпатаж как способ привлечь внимание к собственной персоне — это, знаете ли, как-то... (да-да, интеллектуальный снобизм — тоже отличительная черта настоящего цнсишника). Ценность работам такого типа в глазах сотрудников Центра, безусловно, придает способность автора превратить провокацию в повод для анализа. На наш предвзятый взгляд,

именно к такого рода работам относятся представленные в сборнике тексты Михаила Соколова, Олега Паченкова, Елены Чикадзе, Ольги Бредниковой и совместный текст Елены Богдановой и Ольги Ткач. Туалеты, пьянство, покойники и менструация — прекрасные темы для тех, кто был приучен критично относиться к научному мейнстриму, а т. н. «рамки приличия» и негласные конвенциональные соглашения рассматривать как ресурс для производства нового знания и способ нанесения пощечин общественному вкусу.

Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Плох тот ученик, который не мечтает стать достойным своего учителя. Без ложной скромности отметим, что Воронков ничего посредственного, а уж тем более «плохого» вокруг себя не терпит. Как следствие — его ученики где-то идут дальше своего идейного и методологического вдохновителя, ставя под сомнение «очевидные» для Виктора истины (увы, даже ему ничто человеческое не чуждо...). Типичный пример — статья Тани Сафоновой о Self у кошек или текст Зои Кутафьевой об ожидании. Рискнем предположить, что тема, затронутая Таней, выходит за рамки представлений Виктора Михайловича о том, что «должна изучать социология». Что же, возможно, прочитав Танин текст, он изменит свое мнение; в любом случае придется признать, что в методологическом и идейном смысле она — безусловный продолжатель «воронковско-гарфинкелевской» традиции, в полной мере стремящийся «делать привычное незнакомым». Так что знакомьтесь, Виктор Михайлович — это Кошки; Кошки — это Виктор Михайлович. Да, кстати, Виктор Михайлович, а Вы чего ожидали?

Даже за пределами ЦНСИ, жанр «научной статьи» переживает не лучшие времена. Все больше в моду входят эссе, а то и еще менее «жесткие» жанры. Мягкие методы требуют мягкого письма. Интересные исследования требуют интересных текстов. Традиционные жанровые рамки становятся тесны, перестают удовлетворять. Все чаще поднимается вопрос о том, считать ли определение «наука» в отношении того, чем мы занимаемся, комплиментом или приговором. Попытки убедить большинство наших современников и даже наших коллег по цеху, в том, что наукой можно считать нечто, выходящее за рамки требований производства объективного знания, с учетом валидности процедур его производства и репрезентативности его результатов — кажется, обречены на провал. Это наводит на мысль о том, что, возможно, следует вообще отказаться от того, чтобы называть «наукой» то, что мы делаем. Оставим науку настоящим ученым с их арсеналом лингвистических гибридов, с их важными темами, общественно значимыми выводами, высокоточными

методами и чрезвычайно серьезным отношением к себе; а сами займемся тем, что нам интересно, как бы оно не называлось. Например — собой. Кстати, параллельно с развенчанием «умного» письма социальные науки переживают острый приступ рефлексии. Не рефлектирующий по поводу собственной рефлексии социальный исследователь в последние лет сорок вызывает у своих коллег в мировом научном сообществе те же эмоции, что и непьющий: недоумение, помноженное на подозрение. Поэтому данную тенденцию мы также не сочли возможным игнорировать. Тем более, после того как, хорошенько покопавшись в своих чувствах и мозгах, обнаружили, что определенно испытываем склонность и даже симпатию к рефлексии, и в особенности — к рефлексии в отношении рефлексии рефлексирующих... (кстати, многим из нас всегда нравился Дюренмат). Одним словом, дабы никто не спутал(а) то, что держит в руках, с тем, что он(а) привык(ла) называть наукой, мы решили для заключительного раздела нашего сборника использовать название из области высоко ненаучной — из области то ли психологии, то ли искусства... не то словесного, не то бессловесного. В ЦНСИ не принято относиться к себе слишком серьезно, зато принято себя любить и анализировать; а тексты здесь оценивают зачастую по той нетривиальной идее, которая за ними стоит — так что с нас хватит и «зарисовок» про себя любимых и про другие сомнительные личности. Если вы заинтригованы — читайте статьи Н. Золотовой, Т. Сафоновой, З. Кутафьевой, Н. Киселевой... Да и все остальные тоже читайте — узнаете много нового. Но начинайте не раньше, чем вы дочитаете это вступление!

В заключение, или, как говорят англичане *the last but not least*, следует упомянуть чувство юмора. Если вы не уверены, что обладаете им в достаточной мере — лучше сразу отложите эту книгу, чтобы не разочаровываться. Впрочем, серьезные люди обычно недоверчивы; поэтому, на всякий случай, некоторые из последующих текстов мы сопроводили уведомлением приблизительно следующего содержания: «людям, считающим себя серьезными, а также дорожащим своим временем и репутацией, этот текст (равно как и все другие в этом сборнике) можно не читать» (варианты: «не рекомендуется»/«не читать ни в коем случае»). И это сушая правда. Хотя, безусловно, тут присутствует и элемент саморекламы: со времен Венечки Ерофеева известно, каков лучший способ заставить человека прочитать тот или иной текст... Впрочем, в отличие от классика мы оставили не только заголовки, но и сами тексты; вероятно, из тщеславия, коего один из наших любимых авторов был начисто лишен.

Что же касается собственно чувства юмора, то следует отметить, что эта черта, безусловно присущая создателю ЦСНИ, и по сей день чрезвычайно высоко ценится в Центре. Среди ее уважаемых разновидностей — ирония, способность смеяться над собой, легкие издевательские намеки и откровенные проверки наличия чувства юмора у собеседника и/или читателя (когого мы рассматриваем как собеседника). В принципе, все это предприятие, результаты которого вы, уважаемый(ая) читатель(ница) держите перед собой, можно счесть одной большой шуткой — вам судить, насколько она удачна. Со своей стороны мы хотели бы пожелать Вам приятного чтения, сопровождаемого взрывами хохота или, как минимум — улыбкой. На случай, если этого эффекта не удастся достигнуть при помощи текстов — мы поместили фотографию юбиляра.

Удивительно, но просмотрев все вошедшие в сборник тексты, понимаешь, что они полны взаимных аллюзий. Это касается не только текстов, посвященных непосредственно юбиляру — тут пересечения и референции к одним и тем же сюжетам объясняются тем, что все статьи посвящены одной личности. Но и в других текстах мы обнаруживаем несознательные перекрестные ссылки: в статье о покойниках, равно как и в текстах о «духе еды» и о питерских коммуналках — возникают туалеты; авторы нескольких статей не могут избежать обращения к алкоголю; а в заключительном эссе, посвященном тому, о чем мы не задумываемся — сплошные (и заметьте — случайные, а не продуманные заранее) аллюзии к темам, поднятым во всех предыдущих текстах (отчасти поэтому мы поставили его в качестве заключительного). Говоря о профессиональных социологических темах, можно указать на общие для многих текстов темы идентичности, тотальной «экономизации» и коммерциализации социальной жизни, проникновения индустрии потребления во все сферы жизни человека; а также на стремление изучать самые неожиданные пространства и практики, воспринимая их как зеркало социальной жизни и структуры. И еще стремление позабыться и получить удовольствие.

Вероятно, это говорит о том, что в стенах ЦНСИ уже сформировался некоторый набор тем, актуальных для сотрудников, своего рода разделенное знание — на границе обыденного и профессионального. Это, в свою очередь, свидетельствует о формировании своего рода реального сообщества с элементами воображаемого — члены этого сообщества не только предпочитают «на практике» посещать одни и те

же места (не только туалеты, но также блошинные рынки и кладбища), есть одну и ту же еду (будь то пельмени или кулинарные изыски из столовки напротив), но и «воображают» на одни и те же темы, причем делают это сходным образом... За всем этим чувствуется влияние одной хорошо нам всем известной личности...

Кто-то, прочитав сборник (или только просмотрев содержание), скажет: «А, Центр Воронкова... ну, эти тексты и эти его сотрудники — они его стоят!». Нам бы хотелось надеяться, что он с этим утверждением согласится.

Паченков О., Соколов М.